

GR

Владимир Прягин

Иллюстрация Сергея Дергачева

Заземление

Пассажирский терминал калининградского космопорта выглядел скромно и по-домашнему. Так, во всяком случае, подумал Антон, спускаясь по трапу шаттла. Самые расторопные пассажиры уже заходили с летного поля в здание. Он вслед за ними подошел к раздвижным стеклянным дверям.

— Антон?

Его окликнули из толпы встречающих. Он приостановился и удивленно взглянул на незнакомого крепыша в широких штанах и клетчатой рубашке навыпуск. Тот располагаясь улыбнулся:

— Простите за беспокойство. Меня зовут Войцех, я из Бюро коррекции. Вы не могли бы уделить мне пару минут?

— Гм, — сказал Антон, — неожиданно. А в чем дело?

— Я объясню. Только давайте в сторону отойдем, чтобы не стоять на дороге.

В зале царило шумное оживление. Местные азартно махали прибывшим, выкрикивая их имена. Мелодично вещала дикторша:

— Совершил посадку орбитальный челнок, прикрепленный к рейсу пятьсот двенадцать дробь тридцать восемь. Внешний прыжок выполнен по маршруту Дельта Павлина — Земля...

Антон и Войцех пристроились рядом с информационным табло, на котором строчка с номером рейса светилась ярко-зеленым.

— Как долетели? — поинтересовался Войцех. — Магнитная буря не помешала? Она, правда, еще не на пике, но предупреждение было.

— Долетел нормально, спасибо. Слушаю вас.

— Нужна ваша консультация. Понимаю, вы приехали в отпуск, но...

— Да бросьте, — буркнул Антон. — Раз уж вы меня тут вылавливаете, вопрос и правда серьезный. Так что давайте начистоту, прямым текстом.

— Тогда, может, к нам заскочим, в Бюро? Там будет удобнее и нагляднее. За пять минут доберемся, я на машине.

— Ладно, давайте.

Они вышли через другую дверь и, шурясь на солнце, зашагали к стоянке личного транспорта. Войцех кивнул на вишневую двухместную «сойку» и влез на водительское сиденье. Спросил у Антона, занявшего соседнее кресло:

— С багажом вы разобрались?

— Да, мне домой отправят. Я коптер заказал сразу, еще из шаттла.

— Ну и отлично.

Двигатель загудел, «сойка» вздрогнула и поднялась над парковкой, выпростав из-под днища вихревые гугуты. Несколько жухлых листьев, валявшихся на асфальте, вспорхнули испуганно, разлетелись в разные стороны.

Когда машина набрала высоту, Антон оглядел окрестности. В нескольких километрах к северу поблескивало Балтийское море. Куршская коса, изогнутая и тонкая, отсекала от него залив-треугольник. К югу же раскинулся лес, присыпанный позолотой бабьего лета.

У Антона в кармане тренькнул и задержался телефон.

— Алло.

— Привет, — сказала трубка Юлькиным голосом. — Ты прилетел уже? А то я забеспокоилась. Увидела сейчас новости краем глаза — там что-то про магнитную бурю...

— Не волнуйся, сели по расписанию. А ты как?

— У меня сегодня еще две лекции, потом сразу домой. Соскучилась по тебе — сил нет! А отгул так и не дали, обидно. Вчера опять просила, но фигушки. Подменить меня, дескать, некому... В общем, дома увидимся. Там, кстати, котлеты есть в холодильнике — ты ж голодный, наверно. Только разогрей, не ленись...

— Ага. Говорю же, Юль, не волнуйся.

— Ладно, я побежала. Давай, до встречи!

Она отключила связь. Антон улыбнулся, представив, как Юлька сейчас спешит в лекционный зал, стуча каблучками по университетскому коридору. Она терпеть не могла опаздывать — но опаздывала все время, как по закону подлости. Он ее иногда поддразнивал, говорил, что карма сбоит, а она сердилась и дулась...

«Сойка» тем временем подлетала к Калининграду. Внизу мелькнул коттеджный пригородный поселок, микрорайон с новостройками, большой парк. Войцех развернулся над центром города и посадил машину возле моста. Чуть поодаль ярко блестел на солнце металлический парус — стела, установленная в сотую годовщину Всплеска.

— Ну вот, — сказал Войцех, — теперь пешком, тут два шага.

Они наискосок пересекли тенистую улочку, свернули за угол и подошли к опрятному трехэтажному зданию. Фасад был декорирован в прусском стиле, вдоль крыльца степенно двигался кибердворник, похожий на пылесос с прицепом, а вывеска у входа гласила: «Бюро коррекции. Калининградское отделение».

Войцех махнул дежурному в вестибюле и провел Антона по лестнице на третий этаж. Прикоснувшись к сенсору, отпер дверь кабинета. Предложил гостю кресло, а сам распахнул окно, впуская с улицы сентябрьский воздух. После чего сел за стол, включил монитор и предупредил:

— Антон, мои вопросы могут показаться вам странными, но отнеситесь к ним, пожалуйста, серьезно.

— Куда ж я денусь.

— Тогда приступим. Вы хорошо помните события последней недели?

— Более чем.

— С вами за эти дни не случилось ничего необычного?

— Случалось, — сказал Антон с некоторой язвитель-

ностью. — Неделю назад я попросил отпуск и хотел забронировать билет до Земли. Но система не распознала мой допуск. Меня вызвал шеф и стал задавать вопросы. Вот примерно как вы сейчас.

— О чем конкретно он спрашивал?

— Уточнял подробности моей биографии, хотя знает меня почти десять лет. Мямлил что-то про компьютерный глюк — дескать, данные стерлись.

— Что было дальше?

— Да ничего. Через пару дней все вроде наладилось. Шеф извинился, я заказал билет. И вот добрался-таки.

Войцех сосредоточенно покивал и пробежался пальцами по клавиатуре. С полминуты вглядывался в экран, потом проговорил:

— Раз уж про биографию речь зашла... Будьте добры, напомните — в каком году вы школу закончили?

— В две тысячи сто втором.

— А после этого где учились?

— Здесь же, в Балтийском международном. Истфак.

— Угу. Специализация — взезная археология. Почему такой выбор?

Антон пожал плечами:

— Историей всегда увлекался. А еще хотел в космос. Вот и придумал, как совместить.

— Остроумно. Теперь давайте о делах нынешних. Как бы вы охарактеризовали итоги вашей работы в системе Дельты Павлина?

— Слушайте, ну к чему это? Откройте мой официальный отчет, там все подробно расписано. Десятки страниц и куча видеозаписей про то, как мы исследовали развалины. И как пытались понять, что за цивилизация их оставила. Тема интереснейшая, конечно, но ничего принципиально нового мы, к сожалению, не раскопали.

— Правильно ли я понимаю, что непосредственно перед отпуском вы работали в одиночку? Не в общей группе?

— Ну да. Мы там нашли объект на отшибе, километрах в пяти от основных раскопок. «Колодец» — так мы его назвали. Мне поручили его исследовать. Вот я этим и занимался несколько дней. Снимал с разных ракурсов, производил замеры и все такое. Опять же — работа вполне рутинная. И в отчете про нее тоже есть, можете ознакомиться.

Войцех поднялся из-за стола, подошел к окну. Долго стоял, засунув руки в карманы и глядя на улицу. Наконец обернулся, присел на подоконник и сказал с невеселым вздохом:

— Видите ли, Антон... Мы тут посоветовались с психологами. Они вас считают человеком уравновешенным, но не замкнутым. С вами, по их мнению, лучше говорить откровенно, выложив все карты на стол.

— В кои-то веки здравое рассуждение.

— Поэтому продолжаем. Я изучил, конечно, ваши материалы насчет «колодца». И соглашусь — они отдают рутинной. Есть, правда, одна загвоздка. Еще неделю назад материалы эти были единственным документом, где вы так или иначе упоминались.

Антон нахмурился:

— Простите, не понял.

— В архивах просто не было сведений об Антоне Смирнове, космическом археологе из Калининграда. Ни единого слова. И вообще вас никто не помнил. Руководство археологической экспедиции, мягко говоря, озадачилось, когда из леса вдруг вышел незнакомец и представил отчет о проведенных исследованиях. После чего этот незнакомец написал заявление на отпуск и попытался заказать билет до Земли.

— Вы издеваетесь? — спокойно спросил Антон; звучало все настолько бредово, что он даже не разозлился.

— Потерпите, дальше будет еще интереснее. В течение суток археологи начали вспоминать — а ведь верно, есть у них коллега Антон! Затем и в архивах стали появляться данные — сначала отрывочные, но с каждым днем все более подробные. Свидетельство о рождении, школьный аттестат, университетский диплом. Ваша биография стремительно обрастала деталями, встраивалась в контекст. Находились ваши бывшие одноклассники, однокурсники и так далее. Короче говоря, вы обрели историю. И если бы не запросы вашего начальства в первые дни, мы в Бюро ничего бы не успели заметить. Вот такой казус.

Он умолк и развел руками, будто извиняясь за свой рассказ. Антон тоже долго молчал в растерянности — просто не знал, как можно на такое отреагировать. Потом произнес осторожно:

— Войцех, я понимаю, что вы не стали бы так шутить. Но и вы меня поймите, пожалуйста. Я — это я! Отлично помню себя и в детстве, и в юности. Причем не просто в общих чертах, а с кучей подробностей! Оттенки, ощущения, запахи... Помню, как родители возили меня на пляж в Светлогорск, как я участвовал в олимпиаде по краеведению, как мы с пацанами лазили в старый форт... Могу перечислять хоть до вечера! А если не верите — сканируйте память, даю согласие!

— Правильный настрой, — одобрительно кивнул Войцех. — Сканирование мы обязательно сделаем. Вот только...

— Ну что еще?

— Рискну предсказать, что сканер покажет именно то, о чем вы упомянули. Проверку вы выдержите, даже самую тщательную, как ее выдержали ваши предшественники.

— Предшественники? Стоп, то есть я не один такой?

— Подобные случаи происходят очень и очень редко, но да — вы не первый. За последние сто лет на Земле было выявлено восемьдесят четыре фантома, которые возникли ниоткуда, но быстро укоренились. Заземлились — так мы это иногда называем на нашем профессиональном жаргоне.

— И как же ваша контора... гм... поступала с этими «заземленными»?

Войцех слегка поморщился:

— Это сложный вопрос, Антон. Пробовались разные варианты, далеко не всегда удачные. Были ожесточенные споры на самом высоком уровне, накапливалась статистика... Не будем сейчас об этом. Наша нынешняя стратегия проста: наблюдение, а при наличии психологических предпосылок — сотрудничество в открытую. Надеюсь, совместно мы сумеем-таки понять природу феномена.

— Ну и на том спасибо. Значит, есть шанс, что меня не посадят сейчас на цепь в каком-нибудь замшелом подвале?

Хозяин кабинета вздохнул:

— Я рад, что вы сохраняете чувство юмора. Но шутки у вас, простите, дурацкие.

На улицу Антон вышел спустя полтора часа. Голова немного кружилась после сканирования, и пересохло в горле, но в целом самочувствие было вполне нормальное — в физическом смысле, по крайней мере.

Психологически же все было сложнее. Ситуация пугала, сбивала с толку. К этому добавлялось ощущение стыдливого дискомфорта из-за того, что техники из Бюро покопались у него в памяти. Пусть даже он сам это разрешил, а они потом извинились.

Антон зашел в магазинчик, попавшийся по дороге, взял бутылку легкого пива, выпил быстро и жадно. Перевел дух и побрел по городу наугад. Вглядывался в дома, провожал глазами машины, скользившие над крышами с тихим гулом, косился на прохожих украдкой.

Твердил себе — нет, не может такого быть, чтобы он оказался чужаком, самозванцем. Сама мысль об этом абсурдна. Ведь все вокруг — привычное, знакомое, правильное. И улицы, и витрины, и клены вдоль Полуденного проспекта.

Потом он понял, что хочет увидеть Юльку. Немедленно, сию же минуту.

Он вызвал такси, долетел до университета. Взбежал на крыльцо и заскочил в вестибюль. На запястье коротко пискнул браслет-идентификатор — вообще-то его не требовалось носить в земных городах, но Антон так привык к нему, что не снял, когда вернулся из космоса. И сейчас браслет оказался кстати. Интерактивная панель на стене приняла с него информацию и показала фотопортрет Антона с подписью: «Добро пожаловать, выпускник!»

Это подняло ему настроение — вот, пожалуйста, и здесь его не забыли. Даже приветствуют. Наверняка и все остальное скоро получит разумное объяснение, а он посмеется над этим нелепым казусом.

В коридорах было пусто и тихо, лишь кое-где из аудиторий доносились приглушенные голоса — занятия продолжались. Антон аккуратно приоткрыл дверь громадного лекционного зала и присел на последний ряд. Несколько человек оглянулись на него, но тут же утратили интерес. А сам он, не отрываясь, смотрел на Юльку, которая стояла перед демонстрационным экраном. Рассказывала она увлеченно, самозабвенно, как и всегда:

— История — это ведь не просто сухие хроники. Прошлое буквально вибрирует от эмоций — и на глобальном уровне, и на личном. Сталкиваются не только культуры, но и людские судьбы. Возьмем хотя бы наш город — Калининград, бывший Кенигсберг. Кто только не имел здесь исторических интересов! Тевтонский орден, Пруссия, Польша, царская Россия, Германия, Советский Союз. Даже Наполеон одно время жил в королевском замке! А сам замок на протяжении веков оставался символом этих мест.

На экране возникли башни, сложенные из темно-бурого и серого камня. Самая высокая из них царпала небо острым четырехгранным куполом.

— Во время Второй мировой войны замок пострадал очень сильно. Он выгорел изнутри, в стенах зияли дыры. Его решили снести. А взамен хотели построить вот это сооружение.

Новая иллюстрация — архитектурный эскиз. Многоэтажный бетонный куб с рядами одинаковых окон.

— Дом Советов — так назывался проект. Но в последний момент строительство отменили. Это был тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Перерасчет показал, что грунт на берегу не подходит для новой гигантской стройки. Поэтому там просто разбили сквер.

Юлька взяла короткую паузу, прошла вдоль первого ряда. Экран неярко светился, слушатели терпеливо ждали.

— Да, шестьдесят седьмой год стал особенным. Неожиданные решения принимались не только в Калининграде, но и в других городах и странах. Причем почти одновременно, как будто произошел перелом в сознании человечества. И нет, это не метафора. Люди и в самом деле стали мыслить иначе. Даже главы двух сверхдержав — США и СССР — вдруг сумели договориться. Упор был сделан на совместное освоение космоса. Как такое стало возможным? Историки спорят до хрипоты, но факт остается фактом. В науке это принято называть цивилизационным рывком, парадигматическим сдвигом. Ну а в быту закрепилось короткое слово — Всплеск.

Она улыбнулась, и Антон снова залюбовался ею. Захотелось встать, подойти к ней, схватить в охапку и унести, чтобы не делиться ее улыбкой с другими.

— Вводные лекции я на этом заканчиваю, — сказала она. — Со следующего занятия переходим к основной теме. Нас интересует всемирная история после Всплеска вплоть до нынешнего момента. То есть примерно полтора века. Объем материала огромный, поэтому курс рассчитан на два семестра. Ну, собственно, вот. Вопросы?

Рыженькая девица подняла руку:

— Вы говорите, ученые, мол, до сих пор ругаются, спорят, почему произошел Всплеск. А лично вы как думаете? Вы же тоже историк?

— Ух, — сказала Юлька, — я польщена. Кроме шуток, приятно услышать такой вопрос. И раз уж интересуетесь, скажу по секрету — мне нравится самая романтическая гипотеза. Самая художественная. Хотя, может, и не самая безупречная с точки зрения логики...

— Все равно расскажите, — потребовала студентка.

— Ну вот представьте, ноосфера хранит фантазии о будущем человечества. До поры до времени эти грезы — очень разрозненные. Люди не могут обмениваться ими активно, для этого просто нет технических средств. Но потом появляются книги, радио, кино, телевидение. В третьей четверти двадцатого века все это — уже в массовом доступе. И как раз в те годы фантастика переживает бум. Писатели пишут наперебой, режиссеры снимают. Их любимая тема — космос. Именно он приводит мечты о будущем к общему знаменателю. — Юлька победно оглядела аудиторию. Затем добавила: — Причем все

чаще в книгах и фильмах астронавты действуют сообща, без оглядки на земные границы. Я вам как-нибудь покажу отрывки. Ну хотя бы из сериала про звездолет «Энтерпрайз» с международным экипажем. Русский персонаж там появился, кстати, как раз в шестьдесят седьмом. И это только один из многих примеров.

— Значит, — сказала рыжая, — те книжки и фильмы...

— ...помогли сменить глобальную парадигму, — кивнула Юлька. — Повлияли на ноосферу, а через нее — на цивилизацию. Вот такая гипотеза. Она не доказана, но Всплеск в любом случае — важнейшая веха. Не зря в его сотую годовщину у нас поставили стелу — там, где раньше был замок, а потом сквер.

Залихватски грянул звонок. Студенты вскочили, загомонили разом и потянулись к выходу. Антон дождался, пока дверь за ними закроется, встал и подошел к Юльке, которая собирала со стола свои вещи. Она подняла глаза, радостно взвизгнула и повисла у Антона на шее. Он обнял ее, засмеялся:

— Вот, я же знал, что надо срочно к тебе.

— Ой, да! Молодец, что заехал! Давно сидишь? А то я пропустила, как ты вошел.

— Минут десять назад. Послушал, на тебя посмотрел.

— И как впечатления?

— Умная ты прям аж дальше некуда. И самая сексапильная. Еле сдержался, чтобы не накинуться сразу.

— Но-но, археолог! Притормози! Я понимаю — ты там одичал вконец, но у нас тут нравы другие. Гранит науки, оплот культуры...

— Тогда линияем отсюда. Ты ведь уже закончила?

— Да, на сегодня все. Смываемся аккуратно, чтоб никто не перехватил!

Она заговорщицки подмигнула и потянула его к двери. Они быстро прошагали по коридору и, смешавшись с толпой студентов, выскочили на улицу. Юлька посмотрела вокруг и сказала с довольным видом:

— Погода шикарная, как будто лето вернулось! Давай, может, прогуляемся?

— Да, давай.

Тихая аллея вводила от университета на юг, в сторону реки. Под ногами шуршали листья. Светились желтые кроны, пропитанные солнцем; сквозь ветки синело небо. И с каждым шагом Антону становилось спокойнее.

— Чего это ты такой молчаливый? — спросила Юлька, прижимаясь к его плечу. — Прямо на себя не похож. Как там твоя работа на Дельте?

— Да ну ее. Неохота сейчас о ней.

— Тогда о чем думаешь?

— О тебе, например. И вообще о жизни.

— Ого! С каких это пор тебя на философию потянуло? Seriously, Тоха, ты какой-то странный сегодня. Случилось что-нибудь?

Он остановился, бережно развернул к себе Юльку. Легонько провел ладонью по ее волосам, пушистым и светлым:

— А помнишь, как мы с тобой познакомились? Ты была на курс младше, я тебя сначала не замечал. Но потом столкнулись на вечеринке, совершенно случайно... Это, кажется, был декабрь. Или, может, конец ноября,

уже снег лежал... А вечеринка была спонтанная, по какому поводу — непонятно...

— Ну, вообще-то был день рождения у Наташки, моей соседки по этажу.

— Да-да, правильно! Вспомнил! Забавная такая девчонка, полненькая, болтливая... Угощала нас домашним вином — здоровенный кувшин в оплетке... А на следующий день я понял, что должен снова тебя увидеть, устроил поиски по всему факультету...

— Спасибо хоть, не раскопки.

— А на Новый год ломал голову, что тебе подарить... Решил почему-то, что подарок нужен не покупной, а личный... Не подарок даже, а символ... И все-таки придумал в конце концов, помнишь?

— Помню, представь себе. Янтарик, симпатичный такой.

— Да, немного корявый, но зато крупный. Я его в детстве на берегу нашел... А той зимой подумал, что если ты его примешь, то он тебя привяжет ко мне... Чтобы не сбежала...

Юлька, привстав на цыпочки, поцеловала его:

— Ну что ты, Антон? Я здесь и никуда не сбегу. Это ты у нас, если на то пошло, все время ездешь по экспедициям, по планетам. А я тут сижу, скучаю...

— Ты права. Надо отдохнуть от этого космоса. Может, вообще уволюсь.

Они еще долго бродили вдвоем по городу. Посидели в маленьком ресторанчике на открытой веранде, съели по большой порции мясного рулета. Точнее, Юлька осилила только половину своей, а остаток сгрузила на тарелку Антону. Выпили по бокалу вина. А когда солнце уже клонилось к закату, вышли на речной берег, к той самой стеле.

Надо отдать должное скульптору, свою работу он сделал мастерски. Мачта, хоть и высокая, совсем не выглядела тяжеловесной, а тонкий парус на ней, казалось, готов был затрепетать — с трудом верилось, что он металлический. На постаменте буквы складывались в слова: «С благодарностью за попутный ветер, наполнивший паруса человечества».

— С пафосом перебор, — заметила Юлька, — но все равно красиво.

— Угу, — подтвердил Антон.

Перечитав надпись, он поднял голову. Закатный блик сверкнул на белом металле, и Антон невольно моргнул. Отвернулся, но багряная клякса будто отпечаталась на сетчатке. Он опять ощутил головокружение — почти как в тот раз, когда его подвергли сканированию, — и пошатнулся, оперся о постамент.

— Что такое? — с беспокойством спросила Юлька. — Тебе плохо?

— Нормально... Голова только немного...

— Может, все из-за бури?

— В смысле?

— Ну, помнишь, утром я говорила? В новостях сообщали — магнитная буря идет, какая-то очень сильная.

— Да ну, ерунда. Я ж не этот, как его... не метеозависимый. Иначе меня бы в дальний космос не взяли.

Запиликала телефонная трубка. Он скривился, увидев имя звонящего.

— Еще раз прошу меня извинить, — сказал Войцех. — Я тут смотрю удаленную диагностику... Вы как себя чувствуете?

— Не дождетесь, — буркнул Антон. — Дайте отдохнуть, а?

— Показатели мне не нравятся... В общем, буду через пару минут.

Зазвучали гудки. Так и не успев возразить, Антон выругался шепотом и направился к ближайшей скамейке. Юлька спросила:

— Кто это был?

— Мужик из Бюро. Сейчас познакомитесь.

Она, сев рядом, требовательно уставилась на Антона. Но он не стал вдаваться в дальнейшие пояснения — молча смотрел на реку, которая наполнялась бронзово-красным вечерним светом.

Войцех не обманул — появился через две-три минуты. Вежливо поздоровался, назвал Юлке свое имя и тоже сел. С вопросами о здоровье, к счастью, больше не приставал. Определил, видимо, на глазок, что Антон пока и правда не собирается помирать. Лишь поинтересовался нейтрально:

— Как вам первый день дома?

— С переменным успехом, — сказал Антон. — Любуюсь пейзажем, как видите. Общаюсь с женой. Она сегодня, кстати, пожаловалась, что меня потянуло на философию. Испугалась, услышав от меня что-то умное.

— Не паясничай, — укорила Юлька.

— Что-нибудь философское я бы тоже послушал, — признался Войцех.

— Ну, если настаиваете... Вот я тут подумал — космос, конечно, классная штука. Для молодых особенно. Бросок в неизведанное, другие планеты и все такое. Меня это в юности буквально зачаровало. Но сейчас, когда мне далеко за тридцать, я понимаю, чем еще хорош космос. Из него можно возвращаться — сюда, на Землю. И в этом смысле я действительно заземленный. Такие мысли. Как вам?

— Неплохо, — одобрил Войцех. Он посмотрел на стелу и небрежно спросил: — А Всплеск? Расскажите, что о нем думаете.

— С чего вдруг такой вопрос?

— Вопрос, по-моему, напрашивается, раз уж мы сидим в таком месте и ведем философский диспут.

Антон с неудовольствием покосился на собеседника. Но ссориться не хотелось — тем более что и Юлька вроде бы с интересом ждала ответа.

— Ладно, — сказал Антон. — Вот ты, Юль, сегодня говорила студентам, что на Всплеск могли повлиять фантасты — писатели и киношники. И мне вспомнились мемуары Стругацких. Те объясняли, как придумали мир Полудня. Не пытались, дескать, научно моделировать будущее. Просто фантазировали о мире, в котором им хотелось бы жить. И я, глядя сейчас вокруг, ловлю себя на мысли — это и есть тот вариант истории, который я предпочел бы, если бы пришлось выбирать. Мир почти по Стругацким. Сказка.

Войцех понимающе усмехнулся:

— Ну, коль речь зашла о писателях... Сам я родом из Кракова, поэтому в юности зачитывался не столько Стругацкими, сколько Лемом. У него подход несколько иной. То есть, конечно, пан Станислав писал очень разные книги. Но среди прочего делал и попытки научно предсказать будущее.

— Да, я читал «Сумму технологии».

— Я сейчас не о его конкретных прогнозах, а именно о подходе как таковом. Надо иметь изрядную смелость, чтобы всерьез заниматься футурологией. Это ведь очень скользкая тема, неоднозначная. В шестьдесят седьмом году, например, Всплеск огорошил всех предсказателей. И сейчас, изучая его постфактум, наши специалисты приходят к парадоксальному выводу — Всплеск был наименее вероятным вариантом развития. Гораздо реалистичнее был совершенно другой сценарий.

— Да? И какой же?

— Тот, при котором резкий рывок сделала бы не космонавтика, а кибернетика, причем бытовая. С лихорадочным улучшением индивидуальных средств связи, с всепроникающей компьютерной Сетью. С так называемой виртуальной реальностью. Пойдя этим путем, человечество не рванулось бы к звездам, а закуклилось бы в пределах Земли.

У Антона потемнело в глазах. На этот раз голова закружилась так, что он инстинктивно вцепился в лавку. Казалось, пресловутая магнитная буря всей своей мощью нацелилась на него, завертелась над ним воронкой.

— И даже существует гипотеза, — сказал Войцех, — что тот реалистичный сценарий осуществился, как ему и положено. Развивается параллельно с нашим, сказочно-утопическим. Но изредка случается резонанс. Люди оттуда, из того мира, ловят как бы попутный ветер. И перемещаются к нам, пускают здесь корни. Врастают в сказку на какое-то время.

— Значит... — проговорил Антон, запинаясь. — Значит...

— Да. И вы тоже.

Это было как удар обухом.

Как нокаут.

— Но... Послушайте, Войцех... Как это может быть?! Ладно, чужак получает ложную память. Но ведь и местные теперь его помнят, знают! И документы возникают в архивах...

— Неизвестно, как это происходит. Вот поэтому мы в Бюро и надеялись, что, наблюдая за вами, проясним физическую природу явления.

— То есть вы в Бюро сразу сообразили, кто я...

— Да, простите. И предвосхищаю вопрос — нет, Юлия ни о чем не догадывалась.

Антон судорожно вздохнул:

— Что теперь со мной будет?

— Резонанс обычно длится недолго — неделю максимум. Ваш визит, судя по всему, подошел к концу. Сожалею, Антон, но от меня это не зависит. Я всего лишь человек, как и вы. Могу только сказать, что рад был знакомству.

Войцех смотрел на него сочувственно, Юлька плакала. Медное солнце опускалось за горизонт. Таял сказочный город.